

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

РАНДЕВУ
и другие рассказы

БЕРЕГА
Роман о семействе Дюморье

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ
и другие истории

ТРАКТИР «ЯМАЙКА».
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ

ГОЛОДНАЯ ГОРА
КОРОЛЕВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

БОГЕМА

ПОЛЕТ СОКОЛА

ДУХ ЛЮБВИ

ЗАМОК ДОР
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Замок Дор
Прощай,
МОЛОДОСТЬ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
CASTLE DOR

Copyright © Daphne du Maurier, 1961

I'LL NEVER BE YOUNG AGAIN

Copyright © Daphne du Maurier, 1932

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Елены Фрадкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Дюморье Д.

Д 96 Замок Дор ; Прощай, молодость : романы / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Е. Фрадкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 576 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-08546-6

«Замок Дор» (1961) — это книга о любви и смерти, волшебная сказка, в которой нашла отражение древняя легенда о Тристане и Изольде. В основу произведения легла незаконченная повесть (написанная «где-то до середины») сэра Артура Квиллер-Кауча, рукопись которой была обнаружена его дочерью спустя годы после смерти писателя и передана Дафне Дюморье с просьбой ее завершить. Дюморье выполнила эту просьбу столь мастерски, что невозможно догадаться, с какого места она начала. Действие в романе разворачивается в начале 1840-х годов, но сквозь события настоящего проступает прошлое, и загадочная сила направляет героев по тому же трагическому пути, которым прошла влюбленная пара, что жила и умерла много веков назад... «Прощай, молодость» (1932) — один из первых романов Дюморье. В этой грустной истории рассказывается о расставании с прекрасными мечтами и заблуждениями юности. Читатель шаг за шагом вслед за автором следует по пути «взросления» героя, который на заре своей молодости грезил о славе, о любви, «о приключениях, о море, о зове чужих стран»...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Е. З. Фрадкина, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08546-6

Замок Дор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для меня «Замок Дор» — двойное открытие. Это не только роман, написанный, точнее, частично написанный Дафной Дюморье, который я прежде не читала, но еще и роман, начатый и доведенный до половины героем моей юности, писателем и критиком сэром Артуром Квиллер-Каучем. Когда в сороковые годы я училась в школе, «К» (так обычно называли этого великого человека) вдохновлял меня на чтение — и, надеюсь, на понимание — лучших произведений английской литературы. У меня все еще хранятся его великолепные литературоведческие очерки — три старых томика с пожелтевшими страницами, по сей день самый лучший из всех известных мне путеводителей по литературе. В предисловии к самому раннему из этих томиков, впервые опубликованному в 1918 году и с тех пор много раз переиздававшемуся, сэр Артур с изумительной ясностью излагает свою позицию: «Прежде чем начать устанавливать принципы литературы или эстетики, человек должен предоставить какие-либо доказательства своей способности наслаждаться лучшим и сторониться худшего». И в качестве примера (он всегда дает примеры): «Под поэзией я подразумеваю на этих страницах то, что было написано Гомером, Данте, Шекспиром и некоторыми другими».

Тот факт, что этот большой ученый, суждения которого всегда тонки и глубоки, хотя порой и суровы, занялся удивительно романтическим переложением старой корнуольской легенды о знаменитой паре трагических любовников,

Тристане и королеве Изольде, интригует уже сам по себе. Но еще более пленительно то, что Дафна Дюморье, которую дочь «К» через длительное время после смерти отца попросила закончить этот роман, написанный им «где-то до середины, почти до конца главы», выполнила эту просьбу столь мастерски, что невозможно догадаться, с какого места она начала. Дафна Дюморье замечает, что «не могла имитировать стиль „К“ ... это значило бы грабить мертвых». Однако она знала его, когда была ребенком, помнила как радушного хозяина на многих воскресных ужинах и, «восстанавливая в памяти давно забытые разговоры», могла воссоздать образ этого человека и проникнуться его настроением.

Ей это удалось в высшей степени. «К» перенес древнюю легенду в Корнуолл начала 1840-х годов, в район реки Фоуи, который он любил и хорошо знал. Тристан из легенды стал Амиотом Тристаном, бретонским торговцем луком с маленькой шхуны «Жоли бриз», которая курсирует вдоль побережья Бретани и регулярно заходит в Корнуолл, доставляя туда клубнику, абрикосы, лук и известь — на нее был большой спрос в корнуольских гончарных мастерских, так как печи для обжига, которые пылали когда-то на берегу каждой бухты, были к тому времени заброшены. Шкипер «Жоли бриз» — чудовище, злобный пьяница, и Амиот сбегает с судна, чтобы избавиться от его садистской жестокости. После того как он спасает Линнет Льюорн, находившуюся в экипаже, когда лошади понесли, Амиот влюбляется в нее. Эта красивая молодая женщина совсем недавно вышла замуж за Марка Льюорна, хозяина гостиницы «Роза и якорь» в Трое. Марк, сварливый старик, который сходит с ума от ревности, до безумия любит свою молодую жену. Таким образом, сцена для действия готова.

У этих обреченных влюбленных бывают минуты, когда у кого-то из них появляется странное чувство, будто ими движет нечто мощное и древнее, какая-то сила, связывающая их с прошлым и направляющая на тот же трагический путь, который прошла легендарная пара, что жила и умерла много веков назад. Центральная фигура в их истории — некий

доктор Карфэкс, вокруг которого, вероятно по замыслу «К», должны были закручиваться все события, а он бы ими управлял, — как считает Дафна Дюморье. Для нее это самый симпатичный и четко выписанный персонаж в романе, начинающемся с того, что этот местный доктор однажды ночью на земляном валу Замка Дор ждет, когда начнутся роды у жены кузнеца, и размышляет над тайнами земли, которая, быть может, «больше не возродит подобный цветок, но все же не в силах будет позабыть его и воздержаться от попытки снова дать ростки». Доктор Карфэкс присутствует на протяжении всей истории, объясняя, скрепляя ее, и в конце романа он все еще здесь — старик, размышляющий над тайнами любви и грезящий об одной из «самых печальных историй любви в мире».

Существует много вариантов легенды о Тристане и Изольде, и Дафна Дюморье говорила, что прочла все, какие только смогла отыскать, прежде чем взялась завершить роман, и обнаружила противоречия и путаницу, с которыми ей пришлось разобраться, дабы удовлетворить свое собственное «чувство порядка». В незавершенной части романа «К» земляной вал Замка Дор, где, согласно легенде, у короля Марка, мужа королевы Изольды, был замок, стал Лантиэном, фермой, принадлежащей Бозанко, местному фермеру, у которого Амиот находит пристанище и работу. Хотя Бозанко, его жена и двое детей не играют никакой роли в первоначальной истории, между старинным повествованием о Тристане и Изольде и романом много связующих нитей. У «К» Линнет ухитряется упасть с воза с сеном на руки Амиоту, а когда ревнивый муж обвиняет ее в неверности, она смеется над ним, говоря, что вряд ли может утверждать, будто ее не касался другой мужчина, поскольку простой работник с фермы Амиот только что спас ей жизнь. За несколько столетий до этого королева Изольда дала похожий ответ королю Марку, после того как ей помог спуститься на берег Тристан, переодетый прокаженным, и она упала вместе с ним, в его объятиях, на причал. Несколько более сложная аналогия проводится между случайной смертью Тристана от отравлен-

ного копыта друга и смертью Амиота после того, как он неправильно понял попытки доктора Карфэкса спасти его из заброшенной шахты и порезался складным ножом доктора, который только что использовали, чтобы вынуть камешек из копыта лошади. В 1840 году не было антибиотиков, напоминает нам Карфэкс, сокрушаясь над этим ужасным несчастным случаем.

Дафну Дюморье часто — причем автоматически — причисляют к «романтическим романистам». Сэр Артур Квиллер-Кауч прежде всего ученый. В первую свою книгу о литературе он включает эссе о терминах «классический» и «романтический». Он считает эти ярлыки, которые часто приклеивают к великим поэтам, романистам, драматургам, бессмысленными и выступает против того, чтобы литературу рассматривали так, будто ее можно изучать, разделив на изолированные отсеки с абстрактными заголовками: «влияния», «тенденции», «измы». Он утверждает — как мне думается, правильно, — что романы, пьесы, стихотворения пишутся благодаря редкому дару, с которым их авторы были рождены и который они оттачивали годами. «Шекспир, Мильтон, Шелли не писали „классицизм“ или „романтизм“. Они писали „Гамлета“, „Лисидаса“¹, „Ченчи“²».

Этот чрезвычайно сложный, но в высшей степени увлекательный роман — пленительная история о любви и смерти, удивительным образом связывающая два далеких друг от друга века, история, написанная двумя очень разными, но очень талантливыми писателями.

Нина Боден
2003

¹ Стихотворение английского поэта Джона Мильтона (1608–1674), посвященное его другу, утонувшему в 1637 г. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Пятиактная трагедия, написанная английским поэтом Перси Биши Шелли (1792–1822) в 1819 г. В ней автор философски осмысляет проблемы тирании и свободы.

Мой отец намеревался посвятить
эту книгу мистеру и миссис Санто
из Лантиэна

Ф. Ф. К.-К.

КНИГА ПЕРВАЯ

Ты, и я, и Амиас,
Амиас, и ты, и я —
Лес зеленый, увы, кличет нас.
Ты и я, жизнь моя, и Амиас.
Уильям Корнуольский

ПРОЛОГ

Много лет тому назад, в начале 1840-х годов, в удивительно ясную октябрьскую ночь некий доктор Карффэкс стоял в дозоре с телескопом на земляном валу Замка Дор в Корнуолле. Его вызвали в кузницу, находившуюся поблизости отсюда, на перекрестке дорог. У жены кузнеца начались роды. Когда доктор прибыл туда, то обнаружил, что все идет должным образом. А поскольку он считал, что не следует вмешиваться в естественный ход событий, то оставил свою сумку на стуле в кухне и зашагал прочь по росистому лугу, наказав опытной повивальной бабке призвать его, когда закончатся роды. Пробыв некоторое время на валу, который от кузницы отделяло лишь одно поле, доктор, привычный к таким ночным бдениям, прошел, как обычно, через три стадии ощущений и достиг четвертой, неизведанной и самой волшебной.

Вначале он почувствовал отчужденность. Это ощущение, каким бы царственным оно ни казалось, посещает любого человека, даже с воображением очень средним, когда он стоит на вершине горы под звездами. Эту корону может примерить каждый из нас, и мы начинаем с презрением взирать на нашу планету, а заботы и волнения всех людей, населяющих ее, кажутся нам всего лишь мельтешением мошек под веткой дерева, покрывшейся летней листвой. Однако в подобном настроении есть свой изъян: будучи людьми, мы принадлежим Земле; принадлежа Земле, мы, подобно

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Архимеду, должны на чем-то стоять; но где бы мы ни стояли, при игре в астрономов приходится соблюдать условия игры, а именно: мы не можем замечать, что там копошится у нас под ногами.

Игнорируя эти соображения, доктор Карфэкс, все еще сосредоточенный на небесном своде, где над равниной моря Сириус сверкал, как кремень, Альдебаран походил на рубин, а Плеяды справа от него висели, как паутинка из лунных лучей, перешел ко второй стадии, также ему знакомой. Он созерцал огромный купол, который неуклонно вращался, а наша Земля (и он вместе с ней) с невероятной скоростью кувыркалась под этим звездным куполом.

И это вернуло его на землю (ибо, хотя доктор и был наделен богатым воображением, он не был лишен здравого смысла): он увидел вокруг себя огромное количество темных ягод куманики, а также мириады маленьких листочков тимьяна; под ними спали бесчисленные насекомые, которые пробудятся следующим летом и наполнят воздух и все поле жужжанием. Внезапно наш мир снова сделался огромным — округлый мир с изогнутыми возвышенностями, которые спускались к более плавному изгибу моря. Само море...

...Великое море,
Крепкий корабль у ворот своего господина,
Море лежало и, как пьяный великан, рыдало во сне.

Нет — Море и Земля были великаном и великаншей, лежавшими в изнеможении после могучих объятий. И доктору — теперь превратившемуся из наблюдателя в слушателя — казалось, что в то время, как великан громко храпит, его подруге не спится. Ее грудь бурно вздымается от неясной тревоги, которой нет названия; и эта тайна предназначена для *него* и касается мужчин и женщин именно в этом краю — здесь, где он стоит. Однако она не имела отношения — столь важна была эта тайна — к тем людям, которые спали в своих домиках в долине, а также к тому, что происходило сейчас в доме при кузнице на перекрестке дорог,

а также к тем, кто, быть может, бодрствовал сейчас, вспоминая об утрате и уносясь мыслями к церковному погосту среди холмов. Он хорошо знал этих людей — да и кому, как не доктору, знать их.

Нет, и опять не то. Это самое древнее окружье Замка Дор, заброшенное и поросшее куманикой, — сосок огромной вздымающейся груди, жаждущей облегчить душу.

День медленно угасал, прикрывая ставнем пространство и распахивая другой ставень — за которым время. Ведь с этого земляного укрепления открывается с одной стороны вид на бухту, а с другой — на глубокую реку в долине. Из этой бухты несколько столетий назад Цезарь *soi-disant*¹ отправился со своими кораблями завоевывать Рим. А в поле, отлого спускающемся от земляной насыпи, армия парламента сдалась королю Карлу I во время его последней кампании на Западе. Вон там, за изгородью, стояла карета короля, и он спал в ней в ночь накануне капитуляции. А в долине, за рекой, слышались выкрики: там гуляло войско.

Но эти воспоминания растаяли вместе с туманом в долине и рассеялись по лесам, нивам и пастбищам. Доктор знал, что не ради этих тайн он вслушивается в тишину и не ради простенькой повести о распрях, феодальной вражде и тяжбах, из-за которых дробились поля там, внизу, или меняли направление тропинки прихода. Вся Англия — палимпсест подобных историй, на ней остались следы любви и ненависти; здесь под ореховыми деревьями рождались дети, совершались предательства, звучали мольбы и угрозы. Но все же это было не то. А тайна была здесь — да, здесь, совсем рядом... В лесу ухнула сова. Птица конек, усевшись на камень, возвестила наступление дня. Через минуту при неярком утреннем свете показался кузнец, спешивший через луг. Запыхавшись, он сообщил, что все хорошо, но необходимо присутствие врача. Доктор Карфэкс сложил телескоп и в задумчивости направился к кузнице. Слово, которое вот-вот могло сорваться с уст, так и не было произнесено.

¹ Якобы (фр.).

ГЛАВА 1
Торговец луком

— Амиот!

Это непонятное слово было произнесено звучным голосом иностранца, однако не так, как его произнесли бы французы: на конце резко прозвучал звук «т», словно задели струну лютни. Засим последовал вздох. Слово и вздох, казалось, растаяли в старом зеркале, перед которым любовалась собой миссис Льюорн.

Она обернулась. Кто-то говорил в комнате, совсем рядом с ней. Ее служанка Дебора?

Но на пороге не оказалось никакой Деборы. Миссис Льюорн сразу же сообразила: старое зеркало, хоть и потускневшее, все же отразило бы того, кто там стоял. В треугольной спальне, стены которой были обшиты панелями, пахло затхлостью — спальней давно не пользовались; солнечный свет, отражавшийся от побеленного дома, стоявшего напротив, по другую сторону узкой улицы, пробивался сюда как бы украдкой. Полчаса назад Линнет Льюорн раздвинула портьеры и открыла окно, вознамерившись предаться изучению своего облика в зеркале, — вполне простибельное занятие, учитывая, что она была всего лишь год как замужем, став хозяйкой этого дома, гостиницы «Роза и якорь», которая пользовалась доброй славой. Ее старый муж, которому принадлежала эта гостиница, по-своему боготворил жену Она, как говаривали в округе, «очень даже неплохо устроилась». Девичья фамилия Линнет была Константайн; ее отец в прошлом был кузнецом и лет девятнадцать тому назад владел кузницей и домиком, расположенными высоко на холме, возле Замка Дор.

Если чело Линнет и затуманила легкая тень недовольства, когда она раздвигала портьеры, то это можно объяснить отвращением юности к спертому воздуху в старой спальне. Но теперь от досады не осталось и следа: она делала то шагжок назад, то полшага на цыпочках вперед, вертясь перед зеркалом, которое алчно, как скупец, удерживало ее отражение.

Дело в том, что муж подарил ей платье, которое Линнет выбрала по своему вкусу, — они должны были отправиться на скачки в Замок Дор. Платье было из муслина бледно-зеленого цвета, с рисунком из бутонов роз. Ее шляпа идеально подходила к новому платью — широкополая шляпа с бледно-зелеными лентами, которые завязывались под подбородком. И зонтик от солнца тоже удачно сочетался с нарядом. Она наполовину раскрыла его, чтобы удостовериться в этом, но вовремя вспомнила, что раскрывать зонтик в помещении — дурная примета.

— Амиот!

Теперь сюда примешался и голос Деборы. Какая досада, что этот иностранный джентльмен выбрал именно день скачек в Замке Дор! Весь вчерашний день они с Деборой скребли и чистили, проветривали постельное белье, натирали старый неровный пол, орудуя мягкими щетками и используя пчелиный воск. Подойдя к окну, Линнет услышала раздраженный голос Деборы — сейчас он доносился из-за угла дома:

— Два шиллинга! Да это просто грабеж!

— *Plaît-il?*¹

И тут Линнет догадалась, в чем дело. В это время года прибывали шхуны из Бретани, и юнг посылали на берег продавать связки лука по цене, которая превышала стоимость лука в лавке по соседству. Точно так же было в сентябре прошлого года — именно в тот месяц она приступила к ведению домашнего хозяйства.

Впоследствии Линнет никогда не могла объяснить, почему она так быстро отвернулась от зеркала и проскользнула мимо двери большого зала, где звенели стаканы и ее старый муж выкрикивал: «Ату!» — рассказывая компании какую-то охотничью байку. Она немного задержалась у двери, ибо, как хорошая жена, хотела удостовериться, что ее муж не хватил лишку, а затем спустилась по лестнице.

Линнет примерно представляла себе, что увидит за порогом дома, — городскую площадь, опустевшую, как всегда

¹ Что? (*фр.*)

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

в обеденное время; сегодня она была даже более безлюдной, чем всегда: народ потянулся на холм, где обычно проводились скачки. Фермеры и охотники, которые сейчас допивали бренди и докуривали сигары в зале «Розы и якоря», вскоре сядут в свои экипажи и отправятся на скачки, проезжая между зелеными живыми изгородями и попыхивая трубками, набитыми скверным табаком. Через какое-то время за ними последует и Линнет, сидя в ландо рядом со своим мужем, который обожал хвастаться женой. Ее имя значилось на афишах скачек: она должна была вручить кубок стоимостью в двадцать гиней победителю в скачках с препятствиями. Линнет два-три раза прорепетировала перед старым зеркалом жест, которым она будет награждать победителя.

Спустившись по лестнице, она вышла на крыльцо. На ступеньке руки в боки стояла Дебора и распекала молодого человека в залатанной синей матросской рубашке и брюках, пестревших заплатами. Брюки были слишком коротки, так что видны были голые лодыжки. На голове у него был берет, на ногах — деревянные сабо, за спиной — шест, на котором болталось пять-шесть связок лука.

— Нечестивец! Ступай-ка попроси два шиллинга у папы римского — нет, эй, ты, вернись!

Торговец луком повернулся, собираясь уходить, как раз в тот момент, когда на пороге появилась миссис Льюворт. При внезапном окрике Деборы он медленно обернулся. Это был поразительно красивый парень с угрюмым выражением лица. У него были чудесные карие глаза, кожа сильно обветрилась от непогоды.

Ринувшись к нему, Дебора повернула его кругом:

— Посмотрите-ка, госпожа!

— О, какая жестокость!

На спине у молодого человека виднелось большое красное пятно, оно начиналось над лопатками и приходилось как раз под шестом с луком, рубашка в этом месте пропиталась кровью.

— Кто это сделал?

— Где ваш корабль?

— И вообще, как тебя зовут? — осведомилась Дебора.

— Амиот.

— Вот глупая! — вмешалась миссис Льюорн. — Он же тебе сказал это каких-нибудь пять минут назад!

— Сказал мне? Да я первый раз слышу! — возмутилась Дебора.

Миссис Льюорн стояла в смущении, положив руку на перила крыльца. У нее было странное ощущение, как будто что-то прорвалось из прошлого, дабы сплестись с тем, что произойдет сию минуту. Казалось, вся площадь притихла, словно вымерла.

— Амиот, — повторил торговец луком. — Амиот Тристан. — С минуту он размышлял над их вопросами, затем добавил на своем ломаном языке: — Со шхуны «Жоли бриз», из Бреста. *Mais tenez, mesdames, le patron!*¹

Гигантского роста мужчина нетвердой походкой вышел из бара, где дремал после выпивки. Он остановился, чтобы вытереть рот, потом взгляд его упал на торговца луком.

— *Petit cochon!* — взревел великан. — *Pas un chapelet vendu! Attends seulement!*² — И он разразился потоком французских и бретонских ругательств.

Линнет немного понимала по-французски, но бретонский был ей неведом. Она резко повернулась к этому человеку:

— Весь его лук продан, я купила все связки. Но не вы ли сделали *это*? — Она указала пальцем, в то время как Дебора снова повернула молодого человека к ним спиной. — Если это так, то вы скотина!

Великан снисходительно улыбнулся, давая понять, что знает женщин:

— Эти парни, мадам, ленивые свиньи — все как один. Они понимают только кнут, иначе их ничему не научишь.

¹ Ах, сударыни, это хозяин! (*фр.*)

² Маленькая свинья! Ни одной связки не продано! Ну погоди же! (*фр.*)

Раздался хриплый кашель, и из-за спины великана выглянул муж Линнет, Марк Льюворт, владелец «Розы и якоря». Ему было лет шестьдесят.

— Что тут происходит? — спросил он резким голосом.

Тон у него был недовольный и не терпящий возражений. Увидев свою жену, он сразу же перестал замечать что бы то ни было.

— Что тут происходит? — повторил он еще более резко. — Моя дорогая, разве я не просил вас совершенно определенно прийти и раздать сигары?

— А разве Дебора не раздала сигары?

— Это совсем не то. И я хотел, чтобы потом вы присели и отхлебнули глоточек из моего стакана. Рядом с моим местом было поставлено кресло. Это ваше платье — я заплатил за него кругленькую сумму. Что мое, то мое, не так ли? — обратился он к бретонскому шкиперу.

— Да еще если это такая прелесть, — согласился великан-людоед, отворачиваясь от него, чтобы окинуть плотоядным взглядом двух женщин.

Хотя миссис Льюворт старалась не смотреть на Дебору, следующие ее слова были обращены именно к ней:

— Я купила этот лук. Забери у него эти связки.

Шкипер, пошатываясь, сделал шаг вперед — возможно, чтобы помочь, в то время как Линнет полезла в карман юбки за кошельком.

— По два шиллинга за связку? — спросил шкипер у хозяина гостиницы, чтобы удостовериться.

Но в тот самый момент, как Дебора сняла связки с шеста, торговец луком поднял его над головой и, размахивая им, бросился к великану, как будто собирался размозжить ему голову. Дебора взвизгнула. Линнет затаила дыхание. Великан сделал шаг назад. Руки у него болтались, как у гориллы. Но тут эта сцена была прервана. Послышались шаги кутил, которые гурьбой скатывались по лестнице со второго этажа, и почти одновременно властный голос приказал:

— Прекратите! Какого черта!.. — А затем: — Halte-la!¹

¹ Стой! Довольно! (фр.)

ГЛАВА 2

Нотариус Ледрю

Сидевший в ландо чуть вздрогнул и открыл глаза — словно пробудился от сна. Совершенно невероятно, что он мог задремать во время этого крутого спуска в Трой, — ведь известно, что неместные бывают при этом до смерти напуганы.

На нем был черный дорожный плащ. Черная бархатная шляпа с очень большими полями прикрывала его седые волосы. Она съехала на глаза незнакомцу, и, когда рукой в черной перчатке он водворил шляпу на место, Линнет показалось, что это самый старый человек, какого ей вообще приходилось видеть, неправдоподобно старый: все его выбритое лицо было в морщинах, — и в то же время (как решила она минуту спустя) удивительно молодой для своего возраста, ибо цвет его лица напоминал слоновую кость, а кожа, почти прозрачная, словно светилась внутренним светом.

Как правило, все старое заставляло Линнет содрогаться — во всяком случае, в последнее время. Но лицо этого старика не произвело на нее отталкивающего впечатления, скорее оно вызвало любопытство.

Линнет была наблюдательна. «Это джентльмен», — сказала она себе, когда Дебора приблизилась к экипажу, чтобы открыть дверцу.

Гость был не менее наблюдателен. Его взгляд на мгновение задержался на Линнет, затем выделил из группы на крыльце ее мужа.

— Месье — хозяин, если не ошибаюсь? Простите, но мне кажется, что, добравшись до порога вашего дома, я снова оказался в своей родной стране.

Он превосходно говорил по-английски, почти без акцента. Незнакомец перевел взгляд с торговца луком на шкипера и обратился к последнему довольно мягким тоном:

— Друг мой, наши встречи прямо-таки предопределены. Последняя, если мне не изменяет память, состоялась в Ландерно, когда епископ вынужден был прервать раздачу

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

индугенций, поскольку вы на ярмарке жестоко избивали осла.

— Так как я — честный человек, господин нотариус...

— Каковым вы, несомненно, не являетесь, — перебил его незнакомец, отряхивая свою шляпу от пыли. — Насколько я помню, вы, Фугеро, два года тому назад покинули Кимпе и открыли кабаре в Пон-л'Аббе. Кража домашней птицы, не так ли? А я имел удовольствие выступить в качестве обвинителя. Впоследствии вы купили судно в Локтюди. Полагаю, вы также меня помните?

— Помню, месье Ледрю. Ну конечно...

— Ну вот, он меня уже и представляет. — Повернувшись к хозяину гостиницы, незнакомец обратился к нему: — Да, моя фамилия Ледрю, я нотариус из Кимпе. А комната для меня, несомненно, готова, судя по тому, что ваш экипаж подждал меня на железнодорожной станции в Лостуитиеле, — добавил он. Подняв голову, он прислушался к громовому хохоту, внезапно донесшемуся из бара на верхнем этаже, и добавил: — У вас тут собралась несколько бóльшая компания, нежели я ожидал.

— Скачки... — начал Марк Льюворт.

— Да, но ваша комната готова, сэр, — перебила его Линнет, появившись из-за спины Деборы, которая все еще придерживала дверцу экипажа. — Самая старая в нашем доме. Однако, если вам будет угодно, есть другая, более приятная, ее недавно заново оклеили обоями.

Брови месье Ледрю слегка приподнялись.

— Так это *вы* очаровательная хозяйка этого дома?

— Горячая вода для вас будет тотчас готова. А затем вам подадут жареную камбалу и омлет.

— С луком, если можно. — Он кивнул на связки, все еще отягощавшие левую руку Деборы.

— Мелко нарезанным и поджаренным. Дебора сможет приготовить омлет, — указала Линнет на служанку.

— В таком случае я все больше чувствую себя как дома.

Месье Ледрю кивнул, милостиво улыбнулся всем и обвел взглядом собравшихся. Была в нем какая-то властная сила, делавшая его хозяином положения. Все застыли на

месте: торговец луком стоял на проезжей части, опустив шест; великан и задира — шкипер был неподвижен; рука Деборы все еще касалась дверцы экипажа. Возница замер в той позе, какую принял, когда слез с козел; губы Линнет были полураскрыты; ее муж, стоявший позади нее на ступеньке, походил на человека, который получил некое известие и не может ничего понять. А в комнате наверху ни на минуту не умолкал глупый смех.

— Значит, все предопределено, и я все больше чувствую себя как дома. — Месье Ледрю выпрямился, отбросив плед, укутывавший его ноги. — А этот парень? Мне показалось, когда мы заворачивали за угол, — повернитесь-ка, сын мой!.. Ах! Но это же гнусно, Фугеро! Вы отдаете себе отчет в том, что позорите нашу страну? Впрочем, такие, как вы, этого не понимают. Но позвольте мне, по крайней мере, заверить вас, что этот молодой человек не отправится в обратное путешествие на вашем судне.

Затем последовал быстрый диалог на бретонском, после чего шкипер поднял шест, который торговец луком бросил на землю, и удалился с опущенными плечами.

Месье Ледрю, все еще стоявший в ландо, повернулся к молодому человеку:

— Откуда вы родом, сын мой?

Ответ последовал после паузы и, казалось, был дан неохотно:

— С острова Тюди.

— Посмотрите на меня и ответьте: как ваше имя?

— Амиот.

— Амиот, вот как! Это имя или фамилия? Есть ли у вас еще одно?

Торговец луком все еще глядел вслед удалявшейся фигуре своего работодателя.

— Фамилия моей матери, сэр, была Тристан. Она была родом из Дуарнене, так она мне однажды сказала. А еще — что мы уехали на остров Тюди вскоре после моего рождения.

Он пожал плечами, как будто прошлое не вызывало у него интереса. Глаза его горели, и казалось, у него лишь одно

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

на уме: возобновить драку с этим скотиной-шкипером, не смотря на неравные силы.

— Если хотите знать мое мнение, это нарушитель спокойствия, — заявил хозяин гостиницы с верхней ступеньки крыльца. — Но я никогда и не пытался понять иностранцев — прошу прощения, сэра.

Месье Ледрю, выходявший в этот момент из экипажа, проигнорировал его замечание.

— Первое, что нужно сделать, — спокойно обратился он к Деборе, показывая знаком, что хочет спуститься, — это отвести парня в дом и промыть ему спину. Впоследствии, если ему станет лучше, он отвезет меня вверх по реке — надеюсь, у вас можно нанять лодку, сэра?

— Конечно, лодка есть...

— Да, я знаю. Но вам пока что не нужно об этом беспокоиться. Вы же собираетесь на скачки и уже готовы были туда отбыть, вы и мадам. — Он поклонился Линнет, проворно спустившись со ступеньки экипажа. Затем, расплатившись с возницей, продолжил: — Я прочел объявление о скачках у кузницы на перекрестке дорог — оно было прикреплено к ставню. Насколько я понял, мадам будет вручать кубок.

— Что ж, можно сказать и так, — согласился хозяин гостиницы. — Конечно, на самом деле...

— Несомненно, и как галантный супруг... Кажется, я слышу, как ваши экипажи спускаются с горы. Пока они еще не прибыли, — произнес месье Ледрю, — к тому же чтобы не задерживать этих охотников, — поклон в сторону компании на крыльце, — не войти ли нам в дом?

ГЛАВА 3

Май и ноябрь

Марк Льюворт, его жена и постоялец поднялись по лестнице, за ними следовала Дебора с саквояжем. По ее приказу торговец луком ждал внизу, в коридоре. На лестничной

площадке Льюорн, извинившись, повернул к двери бара и, открыв ее, объявил оставшимся посетителям, что экипажи уже на подходе. Линнет и месье Ледрю прошли дальше, к самой лучшей спальне в гостинице.

— Мы сделали здесь все, что в наших силах, сэръ, но, как я только что сказала, у нас есть более светлая комната, заново оклеенная, если это для вас предпочтительнее. Дебора, ты можешь поставить саквояж джентльмена. А теперь беги за горячей водой и займись тем бедным молодым человеком. После ты можешь распаковать вещи этого джентльмена в той комнате, которую он выберет.

— Но что же не так с *этой* комнатой, мадам? — спросил месье Ледрю, озираясь вокруг.

— Что касается меня, то я терпеть не могу все старое, — призналась Линнет.

— Да? — Месье Ледрю повернулся спиной к окну и бросил на нее быстрый взгляд. Свет падал ей прямо на лицо. — Со своей стороны, я вполне понимаю вашу точку зрения, мадам, хотя, как вы видите, не должен бы разделять ее.

Лицо Линнет стало пунцовым, как только необдуманные слова сорвались с ее уст. Манеры этого чудесного старика джентльмена хоть и располагали к дальнейшей беседе, но в них явственно проступал мягкий укор.

— Я не имела в виду, сэръ...

— Ну конечно не имели. А если бы даже и имели, то я бы не обиделся. Старики, мадам, когда они приближаются к Богу, начинают разделять с Ним одну Его отличительную черту — или, если хотите, отсутствие оной: они лишены глупой обидчивости.

— Я только хотела сказать, — запинаясь, произнесла Линнет, — что мне не нравится запах старого дуба. Надо, чтобы Дебора разожгла огонь. Последние два дня мы топили камин и проветривали комнату. Мы решили, что в такую погоду, возможно, вам будет здесь слишком жарко. Однако если вы собираетесь покататься на лодке, то огонь в камине может вас взбудорить — позже. К тому же вы проделали такое большое путешествие!

— Благодарю вас, я был бы рад, если бы затопили камин. В моем возрасте, мадам, то, что прежде было роскошью, становится необходимостью. И, в отличие от вас, я люблю старый дуб. Нет ничего более долговечного, мадам. Мы спим в нем, некоторые — вечно. В старости мы любим мечтать возле него и видеть, просыпаясь, огонь в его сердцевины. Но нам грезятся птицы в ветвях дуба — там, в вышине, их раскачивает ветер.

В этот момент открылась дверь и Дебора внесла кувшин с горячей водой. Казалось, что это она впустила в комнату уличный гомон: в окно ворвался шум экипажей, въезжавших на площадь, возгласы возниц, споривших из-за места и отпускавших грубоватые шуточки. Сначала Дебора объявила, что ланч для джентльмена будет готов через десять минут. Затем она сообщила, что внизу торговец луком промывает свои раны и ей бы хотелось, чтобы госпожа на них посмотрела. Бросив взгляд на месье Ледрю, Дебора добавила, что время идет.

— С вашего позволения, мадам, я бы тоже хотел осмотреть раны молодого человека, — сказал нотариус, открывая дверь.

Дебора поставила кувшин, и все трое вышли в узкий коридор, где столкнулись с последними посетителями, покидавшими бар.

Марк Льюворт, который шел первым, при виде жены застыл на месте, загородив проход остальным. Он явно был не в духе:

— Я, кажется, сказал вам... кажется, сказал...

Лицо Линнет сначала побелело, потом вспыхнуло, и она с вызовом взглянула на мужа. Поскольку месье Ледрю стоял за спиной Линнет, он не мог видеть ее лица, однако, когда она откинула свою хорошенькую головку, он догадался, что сейчас последует.

— Я забыла, что именно вы мне сказали, — ответила Линнет, тщательно подбирая слова. — Но, думаю, примерный смысл таков: вы хотели похвастаться мною в этом новом платье, которое вы мне купили. Очень хорошо. Если

вы будете так любезны посторониться, я очень медленно пройду мимо вас с этим джентльменом, и ваши гости смогут, не стесняясь, сказать вам, что они думают о вашей жене, — не сомневаюсь, они так и сделают.

— Мужчина — хозяин в своем доме, это не подлежит сомнению, — несколько сбавил тон Марк.

У себя за спиной он ощущал мощную мужскую поддержку. Но перед лицом молодой и красивой женщины, к тому же разъяренной, на такую поддержку не всегда стоит полагаться. Шотландский шкипер в задних рядах, возвышавшийся над остальными на голову, промурлыкал песенку:

Что молоденькой девчонке,
 Что молоденькой девчонке,
 Что с хрычом ей делать?

Марк услышал и эту песенку, и хихиканье, последовавшее за ней.

— Мужчина — хозяин в своем доме! — рявкнул он.

— А его жена — хозяйка дома, — заметила Линнет. — Занимайтесь своими гостями, а я буду заниматься своими.

Муж сразу же отошел в сторону и пропустил ее. Она прошла мимо, как королева. Но только она знала, что он уступил ей дорогу главным образом из-за безнадежного обожания. Однако Линнет прошла мимо двери бара с триумфом; месье Ледрю и Дебора следовали за ней.

Трио спустилось по лестнице, и на первом этаже, в конце коридора, где пахло жареным луком, они вошли в кухню с каменным полом. Там, склонившись над лоханью с горячей водой, юный Амиот обтирался мокрой губкой. Он был обнажен до пояса. При их появлении он выпрямился, улыбнулся всем благодарной улыбкой и снова наклонился над лоханью. На его спине виднелись следы жестоких побоев. Кожа была очень нежная, и под ней перекатывались мускулы — такие появляются у гребцов.

— Я могу порекомендовать средство от этого, — заявил месье Ледрю, внимательно осмотрев раны молодого человека. — Если у вас поблизости есть аптекарь...

— Но у меня есть мази здесь, дома, — прервала его Линнет. — Я выросла на ферме, сэр, так сказать — по ту сторону воды, оттуда трудно добраться до доктора. А нужно было оказывать помощь мужчинам, которые могли порезаться, когда косили или жали серпом.

Обращаясь к нотариусу, Линнет бессознательно положила руку на плечо молодого человека, и столь же неосознанно Амиот поднял губку и сжал ее так, что на руку Линнет потекла струйка теплой воды.

— Эти местные снадобья обычно лучше всего, — согласился нотариус, — особенно мази...

— Линнет! — донесся сверху голос ее мужа. — Какого черта вы там копаетесь?

Линнет резко отдернула руку от плеча юноши. На этот раз нотариус уловил выражение ее лица, когда она посмотрела в ту сторону, откуда донесся ворчливый голос мужа. У нее был взгляд затравленного зверька. Но тут же она нахмурилась, и зрачки сузились.

— Линнет! — снова позвал ее Марк.

Рука ее упала, оставив на платье мокрое пятно. Немного помедлив, Линнет направилась к лестнице и стала подниматься.

— Неожиданное послушание, — заметила Дебора после некоторой паузы, когда в тишине был слышен только плеск воды.

— Я не разделяю это мнение, хотя, конечно, вы знаете ее лучше, чем я, — серьезно ответил нотариус. — Полагаю, она, скорее, заперла свою дверь и в этот самый момент снимает свое нарядное платье.

Дебора задумчиво посмотрела на него и, взяв полотенце, стала осторожно промокать спину торговца луком.

— Если это на самом деле так, — сказала она, — что же делать, сэр?

— На вашем месте я бы последовал за ней, постучал в дверь и напомнил, что мы готовы употребить мазь.

Дебора поднялась на второй этаж.

Она обнаружила, что Линнет действительно заперлась в спальне. Но служанка стала свидетельницей зрелища, которого не предсказал нотариус: под дверью, согнувшись, стоял Марк Льюворт, о чем-то умолявший через замочную скважину.

— Предоставьте это мне, хозяин, — сказала Дебора.

Она постучала в дверь.

— Уходите, я же сказала! — раздалось за дверью. — Я не еду!

Дебора постучала снова:

— Это всего лишь я, госпожа, Дебора. Я пришла за мазью.

Через пару секунд стало слышно, как ключ поворачивается в замке. Сделав Марку знак, чтобы он ни в коем случае за ней не следовал, Дебора слегка приоткрыла дверь и, войдя, плотно закрыла ее за собой.

В конце концов Линнет поехала на скачки.

ГЛАВА 4

Река Трой и Замок Дор

В тот же день, несколько позже, Дебора отправилась на собственный причал Марка Льюворна и, подтянув лодку к берегу, усадила в нее нотариуса и торговца луком Амиота. Пару минут постояла, чтобы убедиться, что молодой человек, несмотря на то что был забинтован, очень даже ловко управляется с веслами.

Однако месье Ледрю склонен был усомниться в способностях этого парня, особенно когда они оказались в опасной (по его мнению) близости от кормы черной шхуны, стоявшей на якоре.

— Осторожно!

— Всё в порядке, — безмятежно заверил его Амиот. — Это «Жоли бриз». — Он исторг какой-то странный, резкий возглас, о чем месье Ледрю позже вспомнил, и очень искусно подвел лодку под якорные цепи на носу.

На палубе показался матрос. Он перегнулся через фальшборт.

— Ив, не сходишь ли ты в кубрик и не принесешь ли мои вещи? Или мне взять их самому? Они в узелке на моей койке, а рядом — моя скрипка.

— Да, я их видел только что, когда прибирался, — ответил матрос. — Я подумал, что ты собираешься покинуть судно. Надо сказать, меня это не удивило. — Бросив взгляд через плечо, он снова посмотрел вниз с добродушной усмешкой. — Хорошо, я схожу за твоими вещами. Но сиди тихо. Хозяин внизу, он мрачнее тучи.

Шкипер действительно находился внизу, и сна у него не было ни в одном глазу. Он услышал и узнал выкрик юнги. Он появился на палубе во весь свой гигантский рост как раз в тот момент, когда матрос нырнул в люк на носу судна. Подойдя к фальшборту, шкипер посмотрел вниз.

— Ну что, глупец? — обратился он к Амиоту. — Значит, ты передумал и вернулся?

— Чтобы забрать свои вещи, — ответил месье Ледрю.

— Его вещи? Его вещи?! — загремел Фугеро. Он шагнул к открытому люку и, склонившись над ним, завопил: — Эй, внизу! Что это ты там делаешь?

Провинившийся, хотя и был напуган — власть шкипера на судне почти безгранична, — оказался смелым и правдивым парнем.

— Я собираю вещи Амиота Тристана, — ответил он.

Вскоре матрос появился на палубе. В руке у него был узелок, под мышкой — самодельная скрипка.

— Без моего разрешения, *hein?*¹ Ну погоди, дружок, я покажу тебе, что значит дисциплина. А вот это — для начала!

Он выхватил у парня скрипку, сломал ее о колено и выбросил за борт — обломки тут же увлек за собой прилив.

— Вот так! — сказал Фугеро и, схватив узелок, поднял его вверх. — Что до этого барахла, то я оставлю его здесь. Или ты предпочитаешь, чтобы я его тоже выбросил за борт?

¹ А? Каково? (*фр.*)

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМОК ДОР. <i>Перевод Е. Фрадкиной</i>	5
<i>Н. Боден</i> . Предисловие	7
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ. <i>Перевод Е. Фрадкиной</i>	261

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ЗАМОК ДОР
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Сологуб, Ирина Киселева, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.11.2017. Формат издания 84 × 108¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AUM-16554-01-R